

дуума множеством себе подобных также способствовали подавлению индивидуалистических черт характера;

- безоговорочное уважение и подчинение старшим по возрасту и званию (в соответствии с конфуцианским принципом «сяо»), дисциплинированность и ответственность;
- трудолюбие, традиционно присущее китайскому крестьянину, склонявшемуся, стоя по колено в воде, за каждым росточком риса, привычка к тяжелому, упорному труду, ставшая основой экономического рывка Китая в XXI веке;
- предприимчивость, умение не только произвести, но и продать товар. Китай – родина товаров и продавцов. Одна из наиболее удивительных способностей китайцев – превращать что угодно в товар. Торговая экспансия Китая, против которого не может устоять ни одна страна в мире, опирается на деятельность 10 миллионов мелких частных предприятий, поддерживаемых государством;
- неприхотливость, умеренность, скромность, приспособляемость. Китайцы испокон веков довольствовались тем, что имели, стараясь добыть минимум для пропитания в условиях тяжелой борьбы за существование. «Рис и овощи для еды, вода для питья, да голова на плечах – вот, что необходимо мне для счастья», – говорил Конфуций;
- взаимные внимание, поддержка и помощь, воспитанные веками борьбы за существование. Интересно, что когда китайцы здороваются, то говорят: «Ни цзинтянь чифаньлэ ма?», что в переводе значит: «Вы сегодня ели?». Такая форма приветствия указывает на общее голодное прошлое и заботу, которую китайцы проявляли друг к другу;
- патриотизм, уверенность в том, что китайское – самое лучшее. высокая самооценка (проявление любых изолированных культур). Китайцы называют свою страну «Чжунго» – «Срединное государство». Китай, традиционно полагают они, находится в центре мира и окружен варварами. В то же время китайцы в целом лояльны по отношению к представителям других наций, за исключением, пожалуй, японцев и американцев, гостеприимны, в основном миролюбивы и доброжелательны;
- стойкость, терпение, спокойствие, невозмутимость. «Какое бы несчастье ни разразилось над его домом, китаец не падает духом, а продолжает с прежним упорством свою повседневную работу, сохраняя на своем лице то странное, мистическое выражение, которое напоминает выражение лица будд, наполняющих здешние храмы и монастыри» [14, с. 327], – говорится в книге «Жизнь и нравы старого Китая», написанной в начале прошлого века;
- рационализм, прагматизм, практичность. Ключевым словом для китайца во все времена было слово «польза». Они малорелигиозны, не витают эмпириях, им чуждо абстрактное теоретизиро-

вание. Китайцы решают конкретные, практические проблемы, рассчитывают до малейших деталей наиболее экономный путь для достижения своих целей.

Заключение. Таким образом, можно констатировать, что китайский менталитет сложился под влиянием особенностей восточного общества, природно-климатических условий страны, циклического характера китайской истории, духовного наследия Конфуция, Лао-цзы и других мудрецов. Значимыми чертами китайского менталитета являются традиционность, коллективизм, трудолюбие, уважение к вышестоящим, патриотизм, практичность и др. Национальный характер сыграл значительную роль в успехах современного Китая.

СПИСОК ЦИТИРОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Социология: учебное пособие / А.Л. Айзенштадт. – Гомель: ГФ УО ФПБ «МИТСО», 2002. – 252 с.
2. Ли, Иннань. Китайцы и природа: О некоторых особенностях китайской ментальности / Иннань Ли [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.laoshi2.ru/?page_id=692 – Дата доступа: 04.08. 2015.
3. Черниловский, З.М. Всеобщая история государства и права / З.М. Черниловский. – М.: Юристъ, 1996. – 576 с.
4. Васильев, Л.С. Эволюция общества. Типы общества и их трансформация / Л.С. Васильев. – М.: КДУ, 2011. – 206 с.
5. Непомнин, О.Е. История Китая: эпоха Цин. XVII - начало XX века / О.Е. Непомнин. – М.: Вост. лит., 2005. – 712 с.
6. Лёве, М. Китай династии Хань. Быт, религия, культура / М. Лёве. – М.: Центрполиграф, 2003. – 224 с.
7. История философии: пособие для студентов вузов / А.Л. Айзенштадт, А.П. Смолина. – Минск: Тесей, 2006. – 176 с.
8. Антология мировой философии: Древний Восток / Ю.Г. Хацкевич. – Мн.-М.: Харвест: АСТ, 2001. – 874 с.
9. Антология мировой философии: в 4 т. – М.: Мысль, 1969. – Т. 1. – Ч. 1. – 576 с.
10. Антология древнекитайской философии / Ян Хин-шун. – М.: Принт, 1994. – 254 с.
11. Зенгер, Х. фон. Стратагемы. О китайском искусстве жить и выживать: в 2 т. / Х. фон Зенгер. – М.: Эксмо, 2004. – Т.1. – 512 с.
12. Спешнев, Н.А. Китайцы. Особенности национальной психологии / Н.А. Спешнев. – М.: Каро, 2011. – 336 с.
13. Сюй Х. Особенности китайского национального характера / Х. Сюй // Молодой ученый. – 2011. – №3. – Т.2. – Ч. 1. – С. 180–181.
14. Макгован, Д. Жизнь и нравы старого Китая / Д. Макгован, И. Коростовец. – М.: Русич-М, 2003. – 496 с.

Материал поступил в редакцию 06.10.15

AIZENSHADT A.L. Sociocultural bases of the Chinese mentality

Chinese mentality was formed under the influence of features of Eastern society, the natural and climatic conditions of the country, the cyclical nature of Chinese history, the spiritual heritage of Confucius, Lao Tzu, and other sages. Significant features of Chinese mentality are: traditionalism, collectivism, hard work, respect for superiors, patriotism, practicality, and others. The national character has played a significant role in the success of modern China.

УДК 341.217(4)

Ипатова О.В.

МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ: ИЗ ИСТОРИИ КОНЦЕПЦИИ

Актуальность института местного самоуправления определяется реализацией такого демократического принципа, разделяемого всеми государствами-членами Совета Европы, как право граждан на участие в управлении государственными делами. Регионы, управляемые представителями, избранными всеобщим голосованием и наделенными реальными полномочиями, по мнению государств-членов ЕС, способствуют осуществлению этого права и обеспечивают такое управление, которое является одновременно эффектив-

ным и приближенным к гражданину.

В научных публикациях по проблеме самоуправления представлен достаточно широкий спектр взглядов, отражающих различия, порой существенные, в содержательной трактовке этого ставшего снова модным понятия. В одних случаях эти различия обусловлены спецификой узкопредметного анализа проблемы, не позволяющего правоведам, политологам, экономистам и другим подниматься на уровень сущностного обобщения явления, в других – связаны с ак-

Ипатова Ольга Валерьевна, старший преподаватель кафедры социально-политических и исторических наук Брестского государственного технического университета.
Беларусь, БрГТУ, 224017, г. Брест, ул. Московская, 267.

центрированием внимания на особенностях самого процесса зарождения и развития самоуправления в разных странах и в разные исторические периоды.

Невнимание в теории более высокого уровня неминуемо приводит к методологической немогущности исследований и терминологической неразберихе. А потому в современных публикациях о самоуправлении пишут то как о демократическом принципе или об особой форме взаимоотношений социального субъекта со средой и другими социальными субъектами, то как о форме согласования интересов и разрешения конфликтов или как о «дополнении» представительных институтов, своеобразном средстве, по выражению американского политолога В. Острома, от «недугов бюрократизма» [1, с. 37].

Такой значительный разбор смыслов и оттенков не связан, однако, с отсутствием общей концептуальной модели самоуправления, а скорее указывает на экстенсивный характер освоения проблематики со стороны современной отечественной научной мысли. Ведь до последнего времени, несмотря на достаточно давнюю традицию использования этого термина в мировой, а также русской дореволюционной литературе, в советском обществоведении в силу известных причин он использовался редко и, как правило, исключительно в контексте характеристики стабильности и устойчивости политической системы социализма.

Нынешний всплеск интереса к проблеме самоуправления имеет объяснения прежде всего в практической востребованности знаний в области социального управления. В ходе реформирования современного общества в направлении децентрализации управления, появления феномена региональной политики, формирования рыночных структур, опирающихся на инициативу и самостоятельность социальных субъектов, все в большем объеме возникает необходимость учета в развивающихся процессах того, что принято называть эффектом самоорганизации и саморегулирования. Применительно к практике социального управления суть этого эффекта заключена в довольно тривиальной закономерности: чем меньше народ пребывает в ожидании решения всех проблем «сверху», тем больше у него возможностей успешно решить все вопросы «снизу», полагаясь исключительно на собственную активность и самодеятельность и исходя из условий и специфики решений.

Как говорит об этом опыт зарубежных стран, понимание этой закономерности и стремление реализовать ее в общественной практике является достаточно эффективным гарантом преодоления увлечений и перегибов излишней централизации и этатизации жизни общества, чрезмерного его государственствования. В частности, в Германии было установлено, что эффективность бюджетных затрат на содержание городской среды стоит в прямой зависимости от степени внутренней интегрированности квартальных соседских сообществ [2, с. 22]. В Швеции, испытавшей на себе последствия внедрения в жизнь граждан некоторых социалистических принципов в духе государственного опекунства, также пришли к признанию того, что усиление заботы государства о людях ценой утраты ими самостоятельности далеко не всегда означало для них благо. В новых, только что отстроенных на государственные средства городских районах и заселенных людьми по меркам этой в общем-то благополучной страны малоимущими, неожиданно был отмечен невиданный всплеск безразличия и прямого вандализма горожан по отношению к муниципальной собственности. Социологи и социальные психологи не без оснований квалифицировали это явление как своеобразную реакцию обгодетельствованных помощью горожан на утрату части их независимости от государства и отсутствия возможности решать свои проблемы самостоятельно [3, с. 11–12].

Некоторые ученые-теоретики считают, что методологически идея самоуправления базируется на некоторых принципах и представлениях о сформированных в рамках общей теории систем (J. фон Берта-ланфи), а также эволюционной теории Ж. Пиаже [3, с. 12]. Последний, в частности, обосновал тезис, что любые системы – физические, биологические, социальные – являются саморегулируемыми. Целостность системы, как ее базовая характеристика, предполагает ее устойчивость по отношению к внешней среде, а также по отношению к внутренней энтропии. Сохранение устойчивости системы требует саморегуляции ее жизнедеятельности. Саморегуляция выступает в виде совокупности действий системы, направленных на ее самосохранение,

функционирование и развитие. Она является способностью системы сохранять и развивать свои системообразующие признаки.

Самоуправляемые системы являются частным случаем самоорганизующихся систем. В таких системах цель не дается извне, она имплицитно субстратом и структурой самой системы, порождается ею. Чем сложнее и динамичнее процессы, в которые включена такая бы то ни было система, тем больше она имеет степеней свободы для своевременного реагирования и адаптации к происходящим изменениям для сохранения устойчивости. Существует лишь одно эффективное решение проблемы – расширение самостоятельности подсистем в пределах жизнеспособности системы как целого. Для социально-политических систем это означает ослабление диктата «сверху», развитие самоуправления, в первую очередь, региональной и местной, при одновременной демократизации управления, усиления обратной связи на всех уровнях.

Низкий уровень самоорганизации, отсутствие действенных обратных связей, эффективного контроля за деятельностью управляющих центров приводит к возникновению специфических механизмов торможения. Такие механизмы способствуют упрощению функций системы, ограничивают развитие ее потенциала, а это сопряжено с последующей стагнацией и деградацией.

Уяснение сущности самоуправления, как видно, связано с разграничением понятий «организация» и «самоорганизация». В первом случае акцент делается на упорядочение, поддержание или изменение структуры системы за счет деятельности «центров управления», в значительной мере выступающих в роли внешних элементов, импульсов системы. Самоорганизация же осуществляется за счет эффективных обратных связей, корректирующих воздействие на эти центры. В таком контексте организация и самоорганизация выступают как противоположности, а процесс развития системы предстает как процесс разрешения широкого спектра противоречий, возникающих между ними.

Концепцию самоуправляемого общества, как известно, впервые сформулировал французский историк, социолог и политический деятель А. де Токвиль (1805–1859). В его представлении самоуправляемое общество является совокупностью множества саморегулируемых ассоциаций и общин. Саморегуляция отождествлялась им со способностью ассоциации самостоятельно изменять нормы, определяющие основные принципы и условия своего управления, вытекающие из правила взаимоотношений с другими подобными ассоциациями. Практика самоуправления, считал А. де Токвиль, есть необходимая основа демократии. Он утверждал, что «городские собрания значат для свободы то же, что начальная школа – для жизни; они учат людей понимать, что такое свобода, как ею пользоваться и наслаждаться» [4, с. 65]. Правительство же, выступающее как единственный гарант и единственный арбитр народного счастья, создает лишь иллюзию своего всемогущества в разрешении всех проблем. По мнению Токвиля, «ему больше ничего не остается, как только принять на себя бремя думать за всех и самому преодолевать все трудности» [4, с. 67]. Однако, и люди, взваливающие это бремя на других, тем самым лишают себя возможности к самоуправлению.

Одной из центральных идей в концепции А. де Токвиля является мысль о том, что первоначальным источником власти является отнюдь не государство в лице своих представительных органов и даже не «нация» и не «народ», как это обычно декларируется в законе, а индивиды, добровольно объединяющиеся с другими на основе своих «неотчуждаемых прав» и сами управляющие своими собственными делами. Именно при таких условиях и при таких взаимосвязях у людей формируется истинное гражданское самосознание, отражающие тот факт, что они сами являются правителями и выступают как коллективный автор условий и порядка правления. С феноменом гражданского сознания связывается и наличие у людей чувства ответственности, способности соизмерять свои интересы с интересами ближних и согласовывать их.

В системах правления, основанных на принципах самоуправления, А. де Токвиль видел реальную альтернативу государственной автократии. Анализируя и высоко оценивая опыт американской демократии в сочинении «Демократия в Америке», он утверждал, что система права, совместимая с потребностями самоуправления, должна базироваться больше на разнообразии, в том числе широте охвата, нежели на единообразии и исчерпывающем регулировании. Его идол – общество, строящееся на принципах взаимопомощи, функционирующее как мно-

жество ассоциаций и общин с соответствующими взаимоотношениями, мобилизующими самоуправляющийся потенциал людей.

Значимость американского опыта демократического правления заключалась для него еще и в том, что путь его формирования от практики самоуправляемых религиозных коммун первых поселенцев Новой Англии (пуритан) шел к самоуправляемым деревням, поселениям, городам и т.д., то есть развивался «снизу» «вверх» и «вширь», а не наоборот. В случае, когда демократическое правление отождествляется с республиками, управляемыми «энергичными выразителями воли большинства», когда процесс приобретает направленность «сверху «вниз»», самоуправленческий потенциал людей и общества в целом значительно снижается. Осмысление всего этого Токвиль считал задачей «новой политической науки» для «нового мира».

Еще в XIX веке были выделены три модели взаимоотношений между центром и местами (английская, французская и прусская). В целом эти же модели – англосаксонская, французская (или южно-европейская) и германская (или северо-среднеевропейская) – в качестве основных признаков и сегодня [5, с. 6; 6, с. 5; 7, с. 96–103]. Отмечалось, что в англосаксонской модели, нередко рассматривавшейся как идеальный тип регионального самоуправления, самоуправлению предоставлена вся действительная власть в кругу местных интересов; во французской – власть (формально) находится в руках региональных правительственных органов, осуществляющих надзор за самоуправлением; в германской – органы государственного управления и регионального самоуправления сливаются в единый институт.

К странам, где системы регионального управления относятся к англосаксонскому типу, принадлежат Великобритания, США, Канада, Ирландия, Австралия, Новая Зеландия. Французская модель используется в Италии, Бельгии, Нидерландах, Португалии, в некоторых странах Латинской Америки. В советской литературе высказывалось мнение, что «организация местного (регионального) самоуправления других буржуазных стран не имеет ярко выраженной специфики, поэтому не имеет смысла выделять иные типы местной (региональной) организации» [8, с. 13]. Однако системы регионального управления некоторых других европейских государств, прежде всего Германии и других скандинавских стран, обладают набором уникальных характеристик, которые не позволяют отнести их ни к одному из двух указанных выше типов. В ряде работ англосаксонская модель противопоставляется континентальной, объединяющей германскую и французскую. Иногда в особый тип выделяется латиноамериканские системы регионального управления. Советское региональное управление рассматривали также как особый тип, в западных исследованиях он получил название «интегрированного» регионального управления. Следует подчеркнуть, что все три модели регионального управления используют как федеративные, так и унитарные государства.

В работах, касающихся местного (регионального) самоуправления, наиболее часто проводится разграничение между государственной и общественной теориями самоуправления. Согласно первой из них (в Великобритании и США связываемой преимущественно с решениями судов) региональное самоуправление производно от государственной власти и, следовательно, подчинено ей. «Общественная» («общественно-хозяйственная», «общинно-хозяйственная») теория, напротив, отрицает такую зависимость, обосновывая положение, согласно которому региональные органы самоуправления должны самостоятельно, независимо от органов государственной власти решать локальные хозяйственные дела.

Общественная теория утверждает: «сущность самоуправления [заключается] в предоставлении обществу самому себе ведать свои собственные интересы и в сохранении за правительственными органами заведования одними только государственными делами» [9, с. 17]. Локальное общество противопоставляется государству, общественные интересы – политическим. Перед сторонниками этой теории стояла задача четко разграничить хозяйственные и политические вопросы, однако сколь-нибудь удовлетворительно решить ее не удавалось. Попытки провести четкое разграничение между кругом государственных и кругом общественных дел предпринимались неоднократно, однако их результаты не были широко восприняты в связи со сложным – уже в XIX веке – переплетением местных и общегосударственных задач.

В настоящее время доминирование государственной власти перед местным (региональным) самоуправлением в системе взаимоотношений не оспаривается почти никем. Концепция дуализма, наиболее соответствующая германской модели местного (регионального) управления, как указывает Г.В. Барабашев, «порождает представление о сбалансировании идей местной автономии и нейтралистских устремлений государственной власти; между тем, нейтралистское бюрократическое начало служит определяющим фактором муниципальной деятельности в условиях государства» [9, с. 25].

Действительно, органы местной (региональной власти) во всех странах являются объектом воздействия центрального законодательства, а структура, функции, финансовые механизмы местного (регионального) управления отражают предпочтения национальных элит (при этом лидеры регионов могут обладать рычагами воздействия на центральный уровень, что, однако, не снижает значимость решений, принимаемых именно в центре).

Конституционная формула предоставляет высшим (как правило, представительным) органам государственной власти страны право определять структуру и систему финансирования региональных органов самоуправления. Следовательно, несмотря на практику предоставления определенной автономии регионам, законодательство обеспечивает центру возможность ее ограничения.

Политическая активность 60-х годов XX века подтолкнула к разработке теорий о наиболее предпочтительной территориальной структуре местной единицы. Сторонники фрагментации и консолидации вели (и продолжают вести) жаркие споры о том, какая из моделей является: 1) наиболее экономически эффективной; 2) в большей степени соответствует демократическому принятию решений; 3) гарантирует эффективное распределение; 4) максимально содействует экономическому росту.

Доводы защитников консолидации основываются на том, что крупным структурам присуща экономия масштаба; многие виды услуг малые локальные образования просто не имеют возможности предоставлять; крупные единицы могут получить больше полномочий, следовательно, большим будет местное влияние на определение политического курса. Они утверждают, что локальные образования должны совпадать с территориальными экономическими единицами – так эффективнее осуществлять региональное планирование. Сторонники фрагментации возражают, считая, что консолидация не гарантирует лучшего планирования и распределения, отдаляет власть от граждан [10, с. 123–128].

Одним из направлений реформирования систем управления на местах на Западе стало создание органов власти и управления регионов в унитарных государствах. К компетенции новых органов были отнесены контроль и координация деятельности нижестоящих органов, органов местного управления. Обратной стороной консолидации стала передача полномочий новым органам (регионам во Франции, метрополитенским советам в США и т.д.). Кроме того, происходила передача ряда функций по обслуживанию населения вышестоящим органам или их агентством на местах без создания новых промежуточных уровней. С точки зрения национального правительства этот процесс выглядел как децентрализация.

А. Транин, основываясь преимущественно на французском опыте, указывает, что в доктринах децентрализации выделяются функциональная и территориальная децентрализация. Функциональная основана на «передаче компетенции государственным автономным учреждениям и органам, осуществляющим определенные функции на территории тех или иных административно-территориальных единиц, территориальная (вертикальная) – на создании нового административно-территориального подразделения – региона» [11, с. 64–65].

Советские исследователи утверждали, что задачами подобных реформ являются:

- укрупнение административно-территориальных единиц (а следовательно, сокращение числа избираемых населением местными представителями и увеличение дистанции между ними и избирателями);
- дальнейшее расширение форм функциональной децентрализации, осуществляемой путем создания и укрепления агентств центральной власти, по сути вытесняющей местные представительные органы из деятельности в ряде сфер [11, с. 29].

В 80-е годы в странах Запада на высшем уровне не однажды высказывалась озабоченность состоянием местной и региональной демократии. Показателен факт подписания Европейской хартии местного самоуправления, а в 1997 году [12]. Европейский союз не скрывает своей заинтересованности в большей фрагментации структуры национальных государств-членов и, соответственно, в большей непосредственной кооперации городов и регионов, позволяющей создать единую Европу.

СПИСОК ЦИТИРОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Остром, В. Смысл американского федерализма. Что такое самоуправляющееся общество / В. Остром, В. – Москва, 1993. – 155 с.
2. Чиркин, В.Е. Конституционное право зарубежных стран / В.Е. Чиркин. – Москва: Юристъ, 1997. – 568 с.
3. Жуков, Ж. Местное самоуправление: что есть что (зарубежный опыт) / Ж. Жуков, В. Куценко // Диалог. – 1995. – № 3. – С. 11–16.
4. Токвиль, А. де. Демократия в Америке / А. де. Токвиль. – Москва, 1994. – 507 с.
5. Тихонов, Д.А. Местное самоуправление: из истории концепции / Д.А. Тихонов // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. – 2000. – № 2. – С. 3–17.

6. Местное самоуправление в зарубежных странах / И.Д. Черник, В.И. Чекалин; под общ. ред. Н.П. Медведева [и др.]. – Москва: Юридическая литература, 1994. – 86 с. – (Информационный обзор).
7. Чиркин, В.Е. Организационные формы местного самоуправления: Россия и зарубежный опыт / В.Е. Чиркин // Журнал российского права. – 1997. – № 8. – С. 96–103.
8. Местные органы в политической системе капитализма. – Москва, 1985. – 442 с.
9. Барабашев, Г.В. Местное самоуправление / Г.В. Барабашев. – Москва, 1996. – 248 с.
10. Keating, M. Size, efficiency and democracy: consolidation, fragmentation and public choice / M. Keating // Theories of urban politics. L., Thousand Oaks; New Delhi, 1997. – P. 123–128.
11. Транин, А.А. Административно-территориальная организация капиталистического государства / А.А. Транин. – Москва, 1984. – 328 с.
12. Европейская хартия местного самоуправления (1985) // Местное самоуправление (нормативная база). – Москва: Деловой альянс, 1998. – С. 3–9.

Материал поступил в редакцию 18.11.15

IPATAVA O.V. Local government: from the history of the concept

A wide spectrum of views on the problem of a local self-government is in the scientific literature. These views reflect the differences sometimes significant in a meaningful interpretation of the concept became trendy again. In some cases these differences are caused by the specifics of a narrow objective analysis of the problem not allowing lawyers, political scientists, economists and others go up to the level of the essential generalization of the phenomenon, in other cases they are related with a focus on the specifics of the process of birth and development of a self-government in different countries and in different historical periods.

The attention in the theory of higher level inevitably leads to the frailty of the methodological research and terminological confusion. And because in the modern publications on a self-government write it as a democratic principle or on the special form of the relationship of the social subject with the environment and other social actors, then as a form of coordination of interests and resolving conflicts or as a «supplement» of a representative institutions, a kind of means to overcome the bureaucracy.

УДК 316.33

Соколовская М.Г.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ МУЖЧИНЫ: ЖЕНСКИЙ ВЗГЛЯД

*Мужчинам живется намного лучше, чем женщинам.
Во-первых, они позже женятся. Во-вторых, раньше умирают.
Генри Менкен*

Введение. Отношения между мужчиной и женщиной исторически являются как ключевыми для всей системы общественных отношений, так одновременно и чрезвычайно хрупкими, уязвимыми, существенным образом зависящими от широкого спектра социальных феноменов – демографической политики государства, типа политического устройства, господствующих ценностных общественных ориентаций, экономических вызовов, которые, в свою очередь, порождают господствующие в рамках определенных исторических эпох социальные образы мужчин и женщин, форматируют их гендерные роли [см. подробнее 1].

Очевидно, что современное белорусское общество, находящееся в стадии социальной модернизации и смены ценностных парадигм, радикальным образом изменяет контекст и содержание гендерных ролей и практик. Существующие исследования на эту тему, как правило, несут обобщенный характер и не учитывают особого «мужского» и «женского» взгляда на эти отношения. **Целью** данной статьи является как раз анализ совокупности представлений современных белорусских женщин о мужчинах, изучение содержания и трансформации их гендерных ролей.

Социологами Брестского государственного университета им. А.С. Пушкина под моим руководством был проведен социологический опрос с целью определения отношения белорусских мужчин и

женщин к выполняемым ими гендерным ролям. По случайной выборке нами был опрошен 291 человек (ошибка репрезентативности не превышает 5%), проживающих в различных регионах Брестской области и представляющих основные демографические и профессиональные группы. Исследование было проведено в октябре-ноябре 2014 года.

Следует специально отметить, что данное исследование в своих существенных чертах, не зеркально, воспроизводит социологическое исследование 2000 года, в котором изучались отношения мужской и женской части населения Беларуси к аналогичному пласту проблем с акцентом на восприятие и интерпретацию ими феномена любви [2]. Поэтому анализируя современные гендерные реальности, многие из них я буду соотносить с их аналогами 14-летней давности. В данной же статье, опираясь на результаты социологических исследований, посмотрим на современного мужчину глазами белорусской женщины.

Мужчина и его проблемы. И в научной литературе, и в публицистике принято (и справедливо) достаточно много писать о женских проблемах, зачастую, при этом, игнорируя проблемы мужские. И это на фоне того очевидного факта, что белорусские мужчины живут в среднем на 10 лет меньше своих гендерных половинок. Очевидным является и факт, что среди социально и личностно деградированных людей основную часть составляют именно мужчины.

Соколовская Мария Григорьевна, старший преподаватель кафедры политологии и социологии Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина.

Беларусь, БрГУ им. А.С. Пушкина, 224016, г. Брест, бул. Космонавтов, 21.